

И очи, мокрые насквозь....

Елена Латарцева.
«По краю времени.
Линия любви».
М., «Мысль», 2001

Константин КЕДРОВ,
«Новые Известия»

«Кровь твоя — волна внутри меня» — так о любви может сказать только настоящий поэт. Я вообще соскучился по чувству постоянного присутствия поэзии где-то рядом. Стихи могут быть хуже или лучше, а вот поэзия не может быть лучше или хуже. Она либо есть, либо ее нет. Говорят, что не стоит дом без праведника. Не знаю, праведников не видел. А вот то, что ни один город на Руси не стоит без поэта, — это очевидно. Латарцева живет в Воронеже. «Страждется... небо уныло, / сыро и тускло, как сталь. / Город усталый накрыла / пыльная ветра вуаль. / Тихо по улице тихой / шла я из дома домой. / Ветер выплясывал лихо / танец шальной надо мной». Города, как известно, рано или поздно исчезают, уходят под землю, становятся археологическими слоями, меняются до неузнаваемости. А в стихах все останется, как остался Петербург Блока в одной строке: «Ночь. Улица. Фонарь. Аптека».

Я далеко не уверен, что у поэзии только высокие задачи и цели. Может, она существует просто так, как запись в альбоме, на память. «Бог знает, кто он был! Мой взгляд случайно, / скользя по стенкам, на него наткнулся», — великолепный мимолетный портрет неизвестно кого, похожий на пожелевшую фотографию Некрасовская печаль слышна в поэзии Латарцевой, но это, конечно, XX век. Уже ушедший и совершенно непонятный. Там стихи все время заглужались воплями плакатов и канцелярскими резолюциями. Но поэты, особенно поэтессы, оставались на редкость стойки. Они продолжали выдувать, выпевать, выдыхать свою шемящую мелодию, совсем не похожую на гимны, марши, рэпы и степы. «Ах, снова боль! И изморозь на плечи — / совсем продрог-

ший, вымокищий птенец. / Сейчас его под траурные речи / снесут на ваше кладбище сердец».

Критика наша всегда заикливается на двух-трех именах. Сначала откроют имя, давно открытое, а потом, как на какую-нибудь заслуженную доярку, лепят и лепят медали неумных похвал. Образцом такой доярки был Брежнев, до бровей увешанный орденами. Но у нашей критики даже Пушкин — Брежнев. Между тем в России конца XX века есть десятки поэтических имен, и Елена Латарцева одно из них. «От слова нежного до боли осязания — / всей жизни срок, смиришь и не ревнуй. / Не легкое воздушное лобзание — / безжалостный и горький поцелуй».

Лирика в России всегда трагична. Да и существует ли этот жанр в других странах? Пейзажи Левитана или стихи Есенина — явления одного порядка. Это русская лирика.

Во второй половине ушедшего века русская лирика не сводима к одному имени. Она похожа на залы Третьяковки, переполненные шемящими пейзажами. Мы не помним и половины этих имен, но стоит убрать хотя бы один пейзажик, и сразу образуется пустота. «Все кончится — изменой или смертью», —

воскликает Латарцева. Это не выдуманно. Выстрадано. У нее все в тонкостях и в нюансах нашего русского бытия — быта.

Конечно, очень крупные поэты, о чем бы ни писали, пишут прежде всего о себе. Но тем ценнее строки многих и многих лириков, у которых стихи — еще и неуловимый пейзаж. «Воздух талый / и очи, мокрые насквозь» — весна России. Без описаний, без нудных подробностей. Пейзаж на сетчатке глаза. А иногда пейзаж осязаем на кончиках пальцев. «Есть лето на свете, / чудесное лето. / Там бегают дети, / почти что раздеты: / там пчелы над светлою липой кружатся, / там жарко, там за руки можно держаться / и руки не мерзнут...».

Подлинные поэты ничего не хотят и ничего не навязывают этому непонятному миру. Они едва успевают за свою жизнь взхапб запечатлеть все, что нахлынуло, а разбираться в этом — удел благодарных или неблагодарных читателей.

Вообще-то читатели тоже выдумала критика, как выдумала она, а потом сама же забыла многих поэтов. Елене Латарцевой повезло. Есникто не выдумывал. Она сама по себе или не по себе, но сама. Это подлинная, абсолютно независимая поэзия с 70-х годов и до наших дней. Есть только один бесспорный закон поэзии — достоверность. Дело поэта — успеть и запечатлеть. Иногда для этого не хватает всей жизни. Одно стихотворение Латарцевой «Муза» меня по-настоящему удивило. Уж кто только и что только не писал о том, как пишут стихи. Однажды я даже сказал, что запретил бы поэтам писать о поэзии. Ну в самом деле, все они пишут под диктовку свыше, у всех есть Муза; но, оказывается, возможен и такой неожиданный поворот, казалось бы, столь банального поэтического сюжета. «Времени плуг / пашет и пашет, и шепот все тише, / Боже мой, вдруг / рифмы последней уже не услышу?». До последней рифмы еще далеко, а то, что уже услышано, вполне достойно самого утонченного слуха.

2002-б.рев.
у.в.не известия - с. 7.